

Страубе М. Г.

МОЙ ДОМ – МОЯ ЖИЗНЬ

Дому, в котором я родилась и живу, в 1996 году исполнилось 60 лет. Для дома – небольшой возраст, но это несколько поколений людей, в нем живущих. Обыкновенный ленинградский жилой дом, он не имеет каких-либо архитектурных достоинств, но до войны его называли «домом специалистов», что и определило судьбы его жильцов, в которых, как в зеркале, отразились события, происходившие в стране и городе: строительство нового жилья, радость заселения, потом страх арестов, война и послевоенная жизнь.

Сейчас среди жителей дома всего пять семей – потомков тех, кто поселился здесь в 1936 году. В разные годы я слышала много рассказов о жизни нашей семьи и соседей. И я решила восстановить прерванную нить времен – написать об этом, сохранив этот быстроуходящий из памяти материал, зачастую не отраженный ни в каких документах. Воспоминания ведь уходят вместе с людьми, а в них сохраняется дух времени.

Мой дом стоит на проспекте Стачек – там, где сохранился ринальдиевский верстовой столб как напоминание о блестящем прошлом Петергофской перспективы. В XVIII веке это было аристократическое предместье столицы. Но в XIX веке территория за Нарвской заставой стала одним из крупнейших и важнейших пролетарских районов. И не случайно именно здесь в 1920-е годы развернулся выдающийся для своего времени архитектурный эксперимент: застройка новых кварталов, а также отдельных престижных домов, одним из которых и был наш дом.

Удивительно и загадочно появление элитного «дворянского» дома в пролетарском районе. Дом был оборудован собственной кочегаркой, которая отапливала его и снабжала горячей водой ванны. Натертые паркетные полы ждали жильцов. С мая 1936 года сюда стали заселяться специалисты и ответственные работники. Отсюда и название – «дом специалистов». Несмотря на жесточайший жилищный кризис, в пятиэтажном доме тридцать одну квартиру, независимо от размеров площади, заняла тридцать одна семья.

Управляющий банком, директор Библиотечного института им. Н. К. Крупской, шахматный гроссмейстер, инструктор военного отдела РК ВКП(б), заместитель председателя Кировского райисполкома, директор Дерматологического института, заместитель главного инженера завода «Электросила», профессор Консерватории – вот неполный перечень специалистов, получивших здесь квартиры. В числе новых жильцов был и мой отец – полярный летчик.

Дом стоял особняком, обширный двор с садом был окружен забором с калиткой, которую ночью охранял дворник. Жильцы все знали друг друга, многие сохранили дружбу на всю жизнь.

Но это благополучие длилось недолго. Наступил 1937 год. И один за другим стали исчезать отдельные жильцы, а то и целые семьи. Аресты обычно происходили ночью, и весь дом замирал, прислушиваясь, за кем приехали. Семьи репрессированных уплотняли, вселяя в квартиры новых жильцов. И вскоре дом превратился в самый заурядный: с большими коммунальными квартирами, заселенными пестрой публикой. Таким он остается и по сей день.

Судьба нашего дома воспринимается мною прежде всего через воспоминания о нашей семье. Мой отец, Георгий Александрович Страубе, получил эту квартиру, когда занимал должность командира первого авиаотряда Ленинградского управления санитарной авиации. Отец был летчиком первого класса. В 1924 году он закончил Высшую военную школу летнабов (летчиков-наблюдателей) им. Л. Троцкого, затем школу воздушных стрелков и морлетов (морских летчиков) и получил должность авиаэскадренного летчика.

В 1928 году в составе летной группы под руководством первого полярного летчика Б. Г. Чухновского его откомандировали на ледокол «Красин», шедший в Арктику на поиски экспедиции Умберто Нобиле, потерпевшей аварию на дирижабле «Италия» недалеко от Северного полюса. Это было удивительное международное сотрудничество по оказанию помощи пострадавшим, но реально осуществить ее смог только мощный ледокол «Красин» (до революции – «Святогор») и его замечательный экипаж. Возглавлял экспедицию профессор Р. Л. Самойлович (в 1937 году репрессирован). За спасение экспедиции Нобиле итальянское правительство наградило экипаж ледокола, и в том числе летную группу, специальными орденами. К сожалению, не могу привести название ордена, поскольку он был серебряный и во время войны пропал из нашего дома вместе со всем серебром. А от нашего правительства отец получил орден Красного Знамени.

В 1930 – 1934 годах отец участвовал в пяти Карских экспедициях по ледовой авиаразведке, которая открывала дорогу к освоению Великого Северного морского пути. Одновременно, в 1932 году совместно с летчиком Леваневским он совершил на гидросамолете перелет из Севастополя на остров Врангеля. С 1934 года отец возглавил Управление Ленинградской группы Санитарной авиации при Красном Кресте. На самолетах Ш-2 летали в «глубинку» для оказания помощи больным. Отец часто летал сам. И практически, санитарная авиация Ленинградской области – это то дело, в создание которого он вложил свои душу, энергию и знания.

Дом моих родителей был гостеприимен. Близкими друзьями отца были Виктор Владимирович Вердеревский и Сергей Адамович Колбасьев (расстрелян в 1937 году). Оба они закончили Морской кадетский корпус, вместе в порыве восторженного романтизма приняли сторону революции, вместе воевали в составе Волжской флотилии, о чем и написал С. А. Колбасьев в своей книге «Поворот все вдруг». Приходил Николай Семенович Тихонов, писатель, в прошлом – лихой кавалерист. Этими людьми были организованы в школе, где учился мой брат, вечера под названием «В воздухе, на земле и на море», на которых каждый из них рассказывал о своей стихии.

Но и в школу пришел 37-й год. Однажды брат сказал родителям, что их новый преподаватель предложил ученикам рассказывать ему обо всем, что говорят родители дома.

Дошла очередь и до нашей семьи. В октябре 1937 года отца уволили с работы. Причинами увольнения были названы близорукость и беспечность, проявленные им в деле пилота А. Г. Горбачева, который 21 сентября, заблудившись, приземлился в Финляндии, затем был возвращен вместе с самолетом, после чего арестован органами НКВД. Довольно скоро Горбачева освободили, но в отношении отца признавать ошибки никто не хотел.

И только в 1940 году его приняли на работу летчиком-испытателем. Казалось, все наладилось – опять любимая работа. Но ненадолго. Началась война. И снова его отстраняют от полетов. В декабре 1941 года отец умер на улице от инфаркта. Похоронили его на Митрофаньевском кладбище, которого сейчас просто не существует.

Судьба отца перекликается с судьбами наших соседей по дому, наиболее близких моим родителям. В 1937 году был арестован профессор автодорожного института Владимир Эмильевич Вейрих. Где и когда он был расстрелян – неизвестно. На этой почве его жена сошла с ума и повесилась. Профессор посмертно реабилитирован в 1956 году.

А вот семья профессора Ленинградской Консерватории Б. А. Струве получила квартиру в нашем доме в знак их реабилитации. Еще в 1935 году, когда была общая высылка из Ленинграда всех бывших дворян, Б. А. Струве и его жена были арестованы, но вскоре выпущены с предписанием в течение двух недель уехать в Караганду. Заступничество Консерватории привело к тому, что Караганду заменили на Саратов, куда они и уехали всей семьей. После неоднократных обращений в разные инстанции неожиданно пришло письмо из органов НКВД с разрешением вернуться в Ленинград. Квартира Струве оказалась занята, и после долгих хлопот они получили квартиру в нашем доме.

Все эти разнообразные судьбы и истории неразрывно связаны с домом и впитаны им. Вероятно, очерк, подобный этому, можно было бы посвятить любому ленинградскому – петербургскому дому. Судьба людей – всегда часть судьбы того места, где они живут, и судьба дома, в котором мы живем, непременно отражается в нашей личной судьбе. Хотя мы об этом очень редко задумываемся и почти никогда не осознаем.